

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

И.Я. Чаленко

**Основные черты
морально - психологического
типа христианина по
новозаветному учению**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 9. С. 1003-1023.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Основные черты морально-психологического типа христіанина по новозавѣтному учению.^{*)}

ПЕРЕНОСЯ основной центръ своихъ стремленій и упованій въ будущую, посмертную жизнь и смотря на земное существование человѣка, лишь какъ на подготовительный моментъ къ загробной жизни, такъ какъ лишь въ загробной жизни христіанинъ надѣется достигнуть и совершенного познанія Бога и совершенного личного общенія съ Нимъ въ духѣ любви (1 Корине. XIII, 12—13 и др.),—христіанинъ по этому самому во все время своего земного существованія не можетъ не ощущать въ своей душѣ чувства извѣстной неудовлетворенности наличною ограниченною и несовершенной дѣйствительностію, при которой онъ не можетъ найти совершенного удовлетворенія запросамъ своей души. Уже поэтому общее міросозерцаніе и настроеніе христіанина, естественно, должно быть чуждо односторонняго оптимизма, пріобрѣтая, наоборотъ, несомнѣнныя черты *пессимизма*, христіанско же учение о грѣхопаденіи человѣка и о радикальномъ извращеніи духовной и тѣлесной природы человѣка, повлекшемъ за собою также извращеніе и всей внѣшней природы, это учение, составляющее самое существо христіанского міросозерцанія, поскольку, именно, на немъ зиждется убѣжденіе христіанина въ необходимости и высокой цѣнности искупительной жертвы, принесенной за грѣхи всего міра Сыномъ Божіемъ, Іисусомъ Христомъ,—пессимистическому настроенію христіанина и его такому же взгляду на міръ сообщаетъ особенную глубину и интенсивность. Весь внѣшній міръ въ глазахъ христіанина предста-

^{*)} Окончаніе. См. іюль—августъ.

вляется „лежащимъ во злѣ“. Да и можетъ ли христіанинъ иначе смотрѣть на окружающей его міръ и людей, если для спасенія рода человѣческаго потребовалась такая неизмѣримой цѣны жертва, какъ смерть Сына Божія; если этотъ міръ съ чувствомъ ненависти вознесъ на крестъ безгрѣшнаго Единороднаго Сына Божія, горѣвшаго безконечною самоотверженною любовью къ человѣчеству, не исключая и своихъ враговъ; если во время своихъ страданій Христосъ былъ покинутъ даже своими учениками; если и послѣдователей Христовыхъ, именно, потому, что они являются „свѣтомъ міра“ и „солью земли“, по слову Господа, должна ожидать участъ, подобная той, какая постигла и ихъ Учителя? Къ терпѣливому перенесенію всевозможныхъ гоненій и страданій неоднократно призывалъ своихъ послѣдователей Самъ Іисусъ Христосъ; столь же часто къ этому же призывали вѣрующихъ во Христа въ своихъ посланіяхъ и апостолы Христовы, потому что, по слову Христа, грѣховный міръ не можетъ не ненавидѣть Его послѣдователей, какъ проповѣдниковъ идеаловъ святости и добра. Уже тотъ фактъ, что путь въ Царство Божіе, по учению Христа и Его апостоловъ, для всѣхъ людей безъ исключенія есть путь *покаянія и сердечнаго сокрушенія во грѣхахъ*,—показываетъ, насколько широкое, всеобщее распространеніе въ мірѣ, по новозавѣтному учению, получилъ грѣхъ. На эту всеобщую развращенность рода человѣческаго, дѣйствительно, указывалъ и самъ Христосъ и Его апостолы, въ особенности ап. Павелъ. А насколько глубоко, по новозавѣтному учению, грѣхъ проникъ въ человѣческую природу,—это видно уже изъ того, что даже пылавшее Божественною любовью сердце Христа нерѣдко возмущалось и негодовало, при видѣ крайняго окаменѣнія и черствости сердецъ многихъ изъ Его слушателей.—Обращаясь умственнымъ взоромъ отъ внѣшняго міра въ глубину своего собственного духа, христіанинъ еще болѣе проникается убѣженіемъ въ радикальномъ извращеніи человѣческой природы и чѣмъ полно онъ постигаетъ всю высоту и чистоту того *идеала*, къ которому призываетъ своихъ послѣдователей Христосъ, тѣмъ яснѣе онъ видѣть, насколько человѣкъ далекъ отъ этого идеала, насколько онъ, предоставленный самому себѣ, безсиленъ подняться на его высоту, поборовъ въ себѣ грѣховныя похоти и стремленія. Если самъ ап. Павелъ свое духовно-нравственное состояніе, до обращенія ко Христу,

характеризует словомъ „извергъ“ («*έκτρωμα*—1 Корине. XV, 8), если тотъ же апостолъ, подвергая самого себя строгому самоиспытанію, уже по обращеніи ко Христу, въ концѣ концовъ, все таки горестно восклицаетъ: „Окаяненъ (*ταλαπωρος*) азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“ (Рим. VII, 24); если ближайшіе ученики Христа, не исключая горячаго и пылкаго Петра, оставили Его въ моментъ Его страданій,—то насколько нищимъ духомъ долженъ предстать своему умственному взору, такъ сказать, рядовой христіанинъ! Помимо всеобщей грѣховности рода человѣческаго, сколько въ новозавѣтныхъ писаніяхъ имѣется указаній на реальный фактъ существованія въ мірѣ физического зла и страданій, вызывавшихъ глубокое чувство скорби, а иногда даже слезы у Христа, сотворившаго столько чудесъ не только въ цѣляхъ доказательства своего мессіанскаго достоинства, но также въ цѣляхъ облегченія людскихъ страданій! Всѣ эти данные, находимыя христіаниномъ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, естественно, должны приводить его къ глубоко пессимистическому взгляду на наличное состояніе міра и людей и вызывать въ его душѣ соотвѣтствующее пессимистическое настроение.

Но такого рода пессимизмъ въ міросозерцаніи и настроении христіанина не является, такъ сказать, окончательнымъ итогомъ его внутренней жизни, не является постояннымъ и неизмѣннымъ его настроениемъ. Это—пессимизмъ далеко не безпросвѣтный. Напротивъ, глубокій пессимизмъ христіанина смѣняется светлымъ и радостнымъ оптимизмомъ въ міросозерцаніи и въ настроении, какъ только онъ отъ наличной несовершенной и грѣхомъ извращенной дѣйствительности, отъ печального „настоящаго“ переносить свой духовный взоръ въ свѣтлое „будущее“, когда добро окончательно восторжествуетъ надъ зломъ,—„будущее“, можетъ быть, отдаленное, но имѣющее наступить несомнѣнно, поскольку основанія для этого „будущаго“, его, такъ сказать, сѣмя дано уже и въ „настоящемъ“. Психологическое зерно этихъ радостныхъ упованій христіанина кроется въ его глубокой вѣрѣ въ реальный фактъ уже совершившагося черезъ Христа искупленія человѣческаго рода отъ грѣха и въ реальный фактъ возрожденія человѣческой природы, ея избавленія отъ грѣховнаго рабства. Правда, человѣчество до пришествія на землю Христа безконечно глубоко пало въ бездну грѣха, сдѣжалось его рабомъ;

но Христосъ каждому человѣку далъ возможность подняться изъ этой бездны, сообщивъ не только новое возвышенное ученіе, но возродивъ самую душу человѣка, сдѣлавъ ее способною воспріять это ученіе и осуществить его въ жизни. Новое вино Христова ученія, такимъ образомъ, вливается Имъ въ новые же мѣхи, а не въ старые, обветшавшіе... Правда и то, что этотъ путь избавленія людей отъ грѣховной бездны долженъ совершиться постепенно, требуя отъ пожелавшаго итти этимъ путемъ большихъ усилий, жертвъ и страданій, подобныхъ тѣмъ, какія испыталъ и Христосъ и Его апостолы,—страданій виѣшнихъ, со стороны противящихся истинѣ евангелія, и внутреннихъ, какъ естественное слѣдствіе борьбы доброго начала въ человѣкѣ со злымъ, нового человѣка съ ветхимъ. Но насколько несомнѣнна вся тяжесть креста, ожидающаго истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, настолько же имъ представляется несомнѣнной и грядущая победа надъ грѣхомъ и страданіями, поскольку здоровое сѣмя новой, свободной отъ грѣха жизни Христомъ уже брошено въ почву человѣческой истории и, рано или поздно, но, несомнѣнно, принесетъ свой добрый плодъ, а ветхое древо грѣха, хотя временно еще и зеленѣеть, но въ будущемъ несомнѣнно упадетъ и сгниеть, такъ какъ его корни Христомъ уже подрублены. Закваска новой, свѣтлой жизни уже сообщена грѣховному человѣчеству безгрѣшнымъ Христомъ и, именно, въ Его Лицѣ,—и благодѣтельныя для человѣчества послѣдствія этого реального факта освященія и очищенія человѣческаго рода, рано, или поздно, но несомнѣнно должны сказаться. Скорби и страданія, постигающія христіанина, несомнѣнно велики; но, вѣдь, это—столь же несомнѣнныи и при томъ единственный путь къ свѣтлой и радостной будущности, столь радостной, что съ ея наступлениемъ позабудутся всѣ пережитыя горести, подобно тому, какъ жена, послѣ радостнаго для нея рожденія ребенка, забываетъ о тѣхъ мукахъ, какія, именно, и привели ее къ этой радости. Правда и то, что свѣтлое „будущее“, надеждою и ожиданіемъ котораго только и живетъ христіанинъ, во всей полнотѣ наступить не въ этой, земной жизни, а лишь послѣ смерти человѣка, въ жизни загробной. Но, вѣдь, вся земная жизнь, по сравненію съ вѣчной, загробной жизнью, въ глазахъ христіанина, есть лишь одинъ мигъ, такъ что здѣсь, на землѣ человѣкъ является лишь какъ бы странникомъ и пришельцемъ, слѣд., и всѣ его земные страданія также кратковре-

менны и скоропреходящи, тогда какъ ожидающее его за гробомъ блаженство единенія съ Богомъ, Подателемъ всѣхъ благъ, столь велико и неизреченно, что человѣку во время его земной жизни трудно себѣ это и вообразить. Отсюда естественно, что истинный христіанинъ, въ духовномъ созерцаніи ожидающихъ его вѣчнымъ благъ, становится менѣе чувствительнымъ къ постигающимъ его скоропреходящимъ земнымъ страданіямъ. Это загробное блаженство, конечно, скрыто отъ тѣлеснаго взора человѣка завѣсой смерти; но для духовнаго взора христіанина этой завѣсы не существуетъ: она уничтожена Христомъ, Главою новаго человѣчества, новымъ Адамомъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ и тѣмъ положившимъ начало и основу воскресенія изъ мертвыхъ и всего человѣчества. Насколько для истиннаго послѣдователя Христова реаленъ и несомнѣнъ фактъ воскресенія изъ мертвыхъ Христа, насколько же его духовному взору предстоитъ во всей своей реальности и несомнѣнности фактъ будущаго воскресенія изъ мертвыхъ и *всѣхъ людей* и даже болѣе того—*фактъ обновленія всей природы*, поскольку такое или иное состояніе послѣдней зависитъ отъ духовно-нравственного состоянія человѣчества, вслѣдствіе чего окончательное обновленіе человѣчества должно повлечь за собою и обновленіе всей природы. Наконецъ, правда, и то, что ожидаемое христіаниномъ торжество добра надъ зломъ и связанное съ этимъ его будущее блаженство подается человѣку лишь подъ условиемъ активныхъ усилий со стороны самого человѣка, которыя и должны быть направлены на борьбу со всѣми упомянутыми выше препятствіями къ достиженію этой цѣли, препятствіями внутренними и внѣшними; но возрожденный и облагодатственный во Христѣ Его послѣдователь носить въ своей душѣ постоянную твердую увѣренность, во-первыхъ, въ томъ, что Господь не допустить искушеній и страданій свыше силъ человѣка (1 Коринѣ. X, 13), во-вторыхъ, что христіанину подаются необходимыя для борьбы съ испытаніями благодатныя силы и, въ-третьихъ, что цѣлью всѣхъ испытаній, посылаемыхъ человѣку, всегда является его же собственное благо. Все это, вмѣстѣ взятое, не только поддерживаетъ бодрость духа христіанина въ терпѣливомъ несеніи имъ тяжелаго жизненнаго креста, но, въ конечномъ итогѣ, наполняетъ его душу предвѣщеніемъ такой свѣтлой и неизреченной радости, ожидающей его въ вѣчной, загробной жизни, что отраженный

свѣтъ этой грядущей радости освѣщаетъ и согрѣваетъ многострадательную жизнь христіанина и въ настоящемъ. Центръ тяжести духовной жизни христіанина рѣшительнымъ образомъ переносится на жизнь загробную, а его земная жизнь получаетъ въ его глазахъ свой смыслъ и внутреннюю цѣнность лишь въ соотношениі съ жизнью загробной, какъ ея предверие. А поскольку эта послѣдняя духовному взору христіанина представляется, какъ преисполненная радости, то подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, съ психологическою необходимостю, имъ оцѣнивается и его земная жизнь. Отсюда, печаль христіанина еще во время его земного существованія обращается въ непрестанную радость и душевный миръ. Христіанинъ, правда, видѣтъ въ мірѣ много зла, но не считаетъ весь міръ, какъ таковой, за зло, а потому и не отвергаетъ отъ себя земную жизнь, какъ зло, а радостно пользуется ея благами, поскольку это не препятствуетъ его стремленію къ благамъ вѣчнымъ, небеснымъ. Къ этой-то непрестанной радости и миру призывалъ своихъ учениковъ учениемъ и примѣромъ личной жизни самъ Господь, въ принципѣ никогда не отвергавшій радостей земного существованія человѣка, будучи чуждъ односторонняго аскетизма (см. обѣ этомъ подробнѣе у † прот. И. Л. Янышева: „Православно-христіансское учение о нравственности“, 2 изд. 1906 г., стр. 315—317); къ тому же многократно призывали вѣрующихъ во Христа и апостолы Христовы. Напротивъ, и Христосъ и Его апостолы вполнѣ определенно высказывали свое порицаніе душевному унынію, ведущему къ духовной смерти (2 Корине. VII, 10 сл.). Такимъ образомъ, пессимизмъ христіанина является не только относительнымъ и умѣреннымъ, но, въ концѣ концовъ, съ психологическою необходимостю переходить въ свою противоположность—въ светлый оптимизмъ міросозерцанія и душевнаго настроенія. — Этотъ оптимизмъ христіанина придаетъ его внутреннему настроенію и стремленіямъ, а также его внѣшней дѣятельности характеръ душевной энергіи, моши и силы, сообщающей ему чувствамъ характеръ большой глубины и интенсивности, а его волѣ непоколебимую устойчивость и твердость, или, такъ называемое, нравственное мужество. И самъ Христосъ и Его апостолы, на ряду съ призывомъ къ непрестанной радости и душевному миру, предъявляютъ къ своимъ послѣдователямъ рѣшительное требованіе во всей своей жизни проявлять внутреннюю мощь и силу духа, относясь съ безу-

словнымъ осуждениемъ къ душевной дряхлости и вялости въ области сердца и воли.—Съ оптимизмомъ христіанина и съ повышенной энергией его душевой жизни неразрывно связывается истинная любовь христіанина къ самому себѣ, а также уваженіе къ своей личности: духовному взору христіанина его собственная личность и жизнь представляются имѣющими свой глубокій смыслъ и высокую цѣнность, поскольку высокое достойнство за человѣческой личностію признано самимъ Христомъ, Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, ради спасенія человѣка вознесшимъ Себя на крестъ.—Такимъ образомъ, и въ разматриваемомъ нами отношеніи морально-психологический типъ христіанина вполнѣ опредѣленно обнаруживаетъ характерные черты *сердечно-волевого* типа, въ противоположность типу разсудочно-интеллектуальному.

Столь же опредѣленно выраженные несомнѣнныя черты сердечно-волевого типа сказываются въ душевномъ укладѣ христіанина и по вопросу о конечной цѣли его стремленій и въ его представлениі о сущности высочайшаго блага человѣка, какъ объекта его стремленій. Выше, когда у насъ шла рѣчь о глубокой религіозности, какъ одной изъ характерныхъ чертъ христіанина, мы видѣли, что конечною цѣлью, или объектомъ всѣхъ стремленій христіанина и его высочайшемъ благомъ является *премирный личный Богъ и личное духовное общеніе съ Нимъ*, а внутреннее психологическое содержаніе этого блаженства, какое для христіанина вытекаетъ изъ такого общенія съ Богомъ, концентрируется въ одномъ основномъ чувствѣ—въ любви, при чемъ цѣль эта во всей ея полнотѣ и совершенствѣ мыслится достижимою лишь въ вѣчной, загробной жизни. Выше намъ приходилось говорить и о томъ, что эта основная тенденція душевой жизни христіанина вытекаетъ изъ основной типичной черты христіанина, какъ *сердечно-волевого* морально-психологического типа, съ преобладающимъ значеніемъ въ его психикѣ *практическаго* разума надъ теоретическимъ. Въ данномъ же случаѣ мы нѣсколько остановимся на той сторонѣ новозавѣтнаго ученія о конечной цѣли стремленій христіанина и его высочайшаго блага, въ силу которой содержаніе этого послѣдняго сводится, именно, къ чувству самоотверженной и дѣятельной любви и, при томъ, не только къ Богу, но и ко всѣмъ людямъ, не исключая и враговъ.—Несомнѣнно, что психологическимъ источникомъ этого альтруистического чув-

ства, наполняющего собою все содержаніе внутренней и вѣшней жизни христіанина, является та, такъ сказать, *центробѣжная* тенденція въ душевномъ укладѣ христіанина, какъ необходимо должна быть ему присуща, именно, какъ *сердечно-волевому* морально-психологическому типу, съ его чуткимъ, отзывчиво-активнымъ отношеніемъ ко всему миру и съ его въ высшей степени развитымъ симпатическимъ воображеніемъ. Въ силу этихъ своихъ характерныхъ чертъ, христіанинъ не можетъ замкнуться въ тѣсныя рамки эгоистическихъ интересовъ своей индивидуальной жизни, но съ психологическою необходимостію, стремится къ тому, чтобы расширить интересы своего сердца (этого центра внутренней жизни христіанина), включивъ въ содержаніе его жизни жизнь и интересы другихъ людей. Замѣчательно точное, мѣткое и сильное выраженіе, а также свое психологическое обоснованіе эта альтруистическая тенденція морально-психологического типа истинного христіанина нашла себѣ въ словахъ ап. Павла, обращенныхъ имъ къ коринеянамъ (2 Кор. VI, 11—13): „Уста наша отверзша сѧ къ вамъ, коринеяне“, говоритъ здѣсь апостолъ Павелъ: „сердце наше распространяется. Не тѣсно вмѣщаются въ насъ (ἡ καρδία ἡμῶν πεπλάτυνται, οὐ στενοχωρεῖσθε ἐν ἡμῖν): утѣшается же во утробахъ (ἐν τοῖς σπλάγχνοις=во внутренностяхъ, въ сердцѣ) вашихъ. Тожде же возмездіе, якоже чадомъ глаголю, распространитеся и вы (πλατύνθητε καὶ ὑμεῖς)“. Въ томъ же посланіи ап. Павла дается ясное указаніе на упомянутую нами выше центробѣжную силу въ душѣ христіанина, какъ на *психологическую почву* для развитія въ немъ альтруистическихъ чувствъ, поскольку ап. Павель, по его словамъ, не живетъ только своею личною жизнью, но въ своемъ сердцѣ какъ бы носить жизнь и стремленія коринеянъ и, съ своей стороны, проситъ ихъ о таковомъ же отношеніи къ нему. Естественно послѣ этого что истинный христіанинъ своимъ сердцемъ—а слѣд., умомъ и волей — переносится въ душу другихъ людей, понимаетъ ихъ радости и печали и даже болѣе того—ощущаетъ и переживаетъ ихъ, какъ свои собственныея радости и печали, какъ бы живетъ жизнью своихъ близкихъ. И кругъ этихъ „ближнихъ“ для христіанина, по мѣрѣ его духовно-нравственнаго роста, т. е. по мѣрѣ „распространенія“ его собственного сердца, все больше расширяется, пока не охватитъ собою всего человѣчества. Психологической основой для такого универсаль-

лизма христіанина въ жизни его сердца и, такъ сказать, основнымъ психологическимъ мотивомъ къ сему, по новозавѣтному ученію, является глубокая вѣра и любовь христіанина къ одной, правда, Личности, но это—Личность Богочеловѣка Іисуса Христа, Искупителя и Спасителя міра. Любовь ко Христу составляетъ основной психической центръ жизни христіанина. Она вызывается въ его душѣ вѣрою во Христа, какъ Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, т. е. сознаніемъ и живымъ ощущеніемъ реального факта безконечной самоотверженной любви Христа къ людямъ, ради спасенія которыхъ отъ грѣховнаго рабства Онъ претерпѣлъ страданія и взошелъ на крестъ. Вѣра во Христа, какъ Спасителя и Искупителя рода человѣческаго, и вызванная этою вѣрою отвѣтная любовь къ Нему настолько наполняютъ собою душу истиннаго послѣдователя Христова, что о себѣ онъ въ правѣ сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ: „Живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ“. Отъ этого своего духовнаго центра альтруистическое чувство христіанина, съ психологическою необходимостію, растетъ и расширяется къ периферіи, распространяясь на все большій и большій кругъ людей. Вѣдь, воля любимаго нами лица для насъ—внутренній законъ нашего сердца и воли, по внутреннему, свободному влечению стремящихся къ тому, къ чему стремится и любимое нами лицо. Такъ и истинный христіанинъ: поскольку онъ дѣйствительно любитъ Христа, поскольку имѣть Его въ своемъ сердцѣ,—постольку онъ живетъ Его жизнью, слѣдовательно, любитъ тѣхъ, кого любитъ Христосъ и стремится дѣлать то, чего желаетъ Христосъ. Но Христосъ самоотверженна дѣятельною любовію возлюбилъ весь міръ, всѣхъ людей, не исключая и своихъ враговъ, и Его воля состоитъ въ томъ, чтобы таковой Его любви подражали и Его послѣдователи. Отсюда, вѣра и любовь христіанина къ своему Господу, съ психологическою необходимостію, переходитъ въ самоотверженную и дѣятельную любовь къ своимъ ближнимъ—ко всѣмъ людямъ, какъ къ своимъ братьямъ. Въ силу тѣхъ же основаній, любовь христіанина ко Христу есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь и къ Его небесному Отцу, поскольку Христосъ и Его небесный Отецъ—едино суть. Небесный Отецъ Христа, этого Главы человѣчества, нового Адама, есть поэтому также и Отецъ всѣхъ людей; слѣдовательно, всѣ люди—между собою братья. Въ этомъ сознаніи

христіанина дается новый психологический источникъ и мотивъ его любви къ Богу и къ ближнему. Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ все психическое содержаніе конечной цѣли стремленій христіанина и психическое содержаніе его высочайшаго блага сводится къ одной заповѣди Христа: „Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твою, и всею мыслю твою... и искренняго твоего, яко самъ себе“ (Ме. XXII, 37—39; ср. Мрк. XII, 29—31; Лк. X, 27).

Характерныя черты сердечно-волевого типа обнаруживаются, далѣе, въ добродѣтельной дѣятельности христіанина, какъ того *пути*, который долженъ привести его къ высочайшему благу, конечной цѣли его стремленій. Въ противоположность одностороннему интеллектуализму разсудочно-интеллектуального типа, христіанинъ существо добродѣтельной дѣятельности усматриваетъ не столько въ пріобрѣтеніи теоретическихъ познаній и, вообще, въ развитіи и усовершенствованіи дѣятельности теоретического разума, какъ такового, сколько въ чистотѣ сердца человѣческаго и въ устойчивой, направленной къ добру волѣ человѣка; развитіе же теоретического разума, въ глазахъ христіанина, имѣеть цѣнность лишь постольку, поскольку оно служить интересамъ и цѣлямъ его практическаго разума, его сердца и свободной воли. Отсюда, основною *формальною* чертою дѣятельности христіанина, поскольку она имѣеть свой корень въ его *практическомъ* разумѣ, въ его живомъ, отзывчивомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣбодно-активномъ отношеніи къ Богу, къ вѣнѣшнему миру и къ самому себѣ, — является высокая душевная энергія, внутренняя сила и мощь, сказывающіяся во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ христіанина и въ его вѣнѣшнемъ поведеніи.—Что же касается *содержанія* добродѣтельной дѣятельности христіанина, то послѣдняя, по учению Нового Завѣта, совпадаетъ качественно съ *содержаніемъ* понятія *высочайшей цѣли и высочайшаго блага*, какъ объекта стремленій христіанина, поскольку его добродѣтельная дѣятельность, въ своей основе, есть не что иное, какъ процессъ постепенного осуществленія въ своей жизни идеала блага, постепенного, такъ сказать, частичнаго усвоенія душою христіанина безконечнаго, по своему объему, содержанія этого идеала. Содержаніе понятія христіанской добродѣтели, по новозавѣтному учению, такимъ образомъ, отличается отъ со-

держанія понятія конечной цѣли стремлений христіанина лишь количественно, такъ сказать, по объему. Отсюда слѣдуетъ, что основною добродѣтелью христіанина, какъ и конечной цѣлью его стремления и его высочайшимъ благомъ, является исполненіе Христовой заповѣди о дѣятельной любви къ Богу и ближнему. Всѣ же прочія добродѣтели христіанина, о какихъ упоминается въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, являются простыми разновидностями этой основновной добродѣтели или, точнѣе, отдѣльными ступенями, отдѣльными моментами въ раскрытии ея богатаго внутренняго содержанія. Отсюда, и каждая изъ частныхъ христіанскихъ добродѣтелей, какъ таковая, необходимо должна заключать въ себѣ два отмѣченныхъ нами выше основныхъ признака, или критерія, присущихъ, вообще, добродѣтельной дѣятельности человѣка *сердечно-волевого типа*: во-первыхъ, наличность душевной силы и мощи (критерій формальный) и, во-вторыхъ, наличность элемента дѣятельной любви къ Богу и къ людямъ (критерій материальный).

Всѣ частныя христіанскія добродѣтели, со стороны, содержанія, могутъ быть подраздѣлены на двѣ основныя группы. Къ первой группѣ можно отнести тѣ виды добродѣтелей, которая *отрицательны*, такъ сказать, путемъ ведутъ христіанина къ конечной цѣли его стремлений, главнымъ образомъ, путемъ его внутренней, душевной борьбы съ тѣми тѣлесными и душевными похотями и страстями, которая, по своей грѣховной извращенности, являются тормозомъ для религіозно-нравственного преуспѣянія христіанина въ духѣ Христовыхъ заповѣдей. Это —такъ называемая *аскетическая* добродѣтели въ широкомъ смыслѣ этого слова, регулирующія, главнымъ образомъ, отношенія христіанина къ самому себѣ. Таковы: мудрость, смиреніе, сокрушеніе въ своихъ грѣхахъ, духовное самоиспытаніе и бодрствованіе, воздержаніе, терпѣніе, мужество, душевная радость и миръ, трудолюбіе и т. п. (Подробн. см. у † прот. И. Л. Янышева: „Православно-христіанское ученіе о нравственности“. 2 изд. 1906 г. стр. 199—203). Большинство изъ этихъ христіанскихъ добродѣтелей проявляются и въ борьбѣ христіанина съ *внѣшними* препятствіями, стоящими ему на пути къ распространенію и утвержденію на землѣ Царства Божія. Съ *внѣшней* стороны, преобладающее значение въ этого рода добродѣтеляхъ принадлежитъ *формальному* критерію христіанской добродѣтельной

дѣятельности — душевной энергіи и моци, столь необходимыхъ человѣку для борьбы съ внутренними и внѣшними препятствіями на пути его нравственного преуспѣянія. Но поскольку борьба христіанина со всѣми грѣховными похотями и страстями не является конечною, самостоятельною цѣлью его жизни и дѣятельности, поскольку эта борьба лишь подготавляетъ въ душѣ почву для осуществленія въ его жизни заповѣди Христа о дѣятельной любви къ Богу и ближнему, — постольку и въ аскетическихъ добродѣтеляхъ необходимо подразумѣвается и второй (матеріальный) моментъ и критерій добродѣтельной дѣятельности христіанина, вслѣдствіе чего христіанскій аскетизмъ оказывается чуждымъ односторонняго формализма, внутренней безсодержательности и безцѣльности, ведущихъ, въ концѣ концовъ, къ подрыву душевной энергіи человѣка, къ пессимизму и къ апатіи. Ко второй группѣ христіанскихъ добродѣтелей относятся тѣ изъ нихъ, которыя, такъ сказать, положительныи и непосредственныи путемъ ведутъ человѣка къ конечной цѣли его стремленій, къ его высочайшему благу. Это — альтруистическая добродѣтели въ широкомъ смыслѣ этого слова. Таковы прежде всего добродѣтели, регулирующія отношенія человѣка къ Богу: вѣра въ Бога и Христа, раскаяніе въ своихъ грѣхахъ, смиренная преданность Его волѣ и самоотверженное стремленіе осуществить ее въ своей жизни, вѣра въ Божественный промыслъ и терпѣливое перенесеніе посылаемыхъ Богомъ испытаній и т. п. виды христіанского благочестія, сущность котораго, въ конечномъ итогѣ, состоить въ дѣятельной любви къ Богу. Къ этой же группѣ должны быть, далѣе, отнесены добродѣтели, регулирующія отношенія человѣка къ своему ближнему. Таковы: кротость, смиреніе, состраданіе, снисходительное отношеніе къ слабостямъ другихъ, уваженіе къ личности другого, братолюбіе, благожелательность, благотворительность и т. п. добродѣтели, существо которыхъ заключается, въ концѣ концовъ, въ дѣятельной любви къ людямъ. Въ альтруистическихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ съ большею опредѣленностію и ясностію выраженъ второй (матеріальный) изъ указанныхъ нами выше основныхъ моментовъ добродѣтельной дѣятельности христіанина; но при этомъ здѣсь необходимо подразумѣвается и первый, формальный критерій: если наши внутреннія отношенія къ Богу и ближнему не проникнуты духомъ живой

душевной энергіи, бодрости и жизненной моци, то, съ точки зрења новозавѣтного ученія, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны нравственно-цѣнными, т. е. добродѣтельными.

Имѣя психологическіе корни въ практическомъ разумѣ человѣка, съ необходимо присущимъ ему сознаніемъ и самоощущеніемъ свободы своей воли,—добродѣтельная дѣятельность христіанина поэтому, естественно, сопровождается убѣжденіемъ въ томъ, что нравственное преуспѣяніе человѣка, прежде всего, зависитъ отъ его *свободной воли*, а не отъ такихъ или иныхъ естественныхъ задатковъ его природы, надъ которыми свободная воля человѣка не властна. Правда, христіанинъ признаетъ и живо ощущаетъ въ себѣ врожденную человѣку наклонность къ грѣху; но онъ также глубоко вѣритъ и въ то, что живущій въ человѣкѣ грѣхъ въ своемъ корнѣ уничтоженъ Христомъ, Который освободилъ вѣрующіхъ въ Него отъ грѣховнаго рабства, призвалъ ихъ къ новой жизни, къ духовной свободѣ и обѣщалъ имъ благодатную помощь свыше, сказавъ, что Отецъ Небесный подастъ вѣрующимъ въ Него все, необходимое для нихъ. Но если добродѣтельная дѣятельность человѣка-христіанина, по новозавѣтному ученію, зависитъ отъ свободной воли человѣка и всегда готовой прійти ему на помощь Божественной благодати,—то отсюда съ необходимостію слѣдуетъ, что христіанская добродѣтель, даже на своихъ самыхъ высокихъ ступеняхъ, доступна *всѣмъ* людямъ, поскольку Господь хочетъ спасенія *всѣхъ* людей, по существу независимо отъ ихъ пола, возраста, національности, отъ такихъ или иныхъ прирожденныхъ задатковъ ума и даже независимо отъ глубины нравственного паденія того или иного лица. На добродѣтельной дѣятельности извѣстнаго лица, конечно, долженъ лежать соответствующій, такъ сказать, специальнѣйший отпечатокъ прирожденныхъ особенностей его натуры, а также отпечатокъ его внѣшняго образа жизни, его національности, пола и т. п.,—новозавѣтное ученіе этого не только не отрицаєтъ, а даже прямо утверждаетъ это. Но отъ внѣшнихъ условій и прирожденныхъ задатковъ человѣка, по ученію Нового Завѣта, зависитъ лишь разнообразіе *внѣшнихъ формъ и способъ обнаружженія* добродѣтельной дѣятельности человѣка — христіанина, но не ея чисто моральная цѣнность: эта послѣдняя, по новозавѣтному ученію, *всесцѣло* обусловливается внутреннимъ

достоинствомъ свободныхъ душевныхъ настроений человѣка, его желаній и стремленій,—тѣмъ, насколько эти, отъ свободной воли человѣка зависящія настроения, желанія и стремленія, какъ таковыя, соотвѣтствуютъ завѣтамъ Христа, независимо отъ того, въ какой формѣ они обнаруживаются себѣ, иногда даже независимо отъ того, обнаружится ли извѣстное душевное движеніе вовнѣ, или нѣтъ.

Изъ того, что христіанская добродѣтель имѣеть свою основу, именно, въ практическомъ разумѣ человѣка, а не въ теоретическомъ,—вытекаетъ и другая характерная черта новозавѣтного ученія о добродѣтели христіанина—ея дѣятельный, жизненно-практическій характеръ, чуждый односторонняго и поверхностнаго интеллектуализма, теоретичности и разсудочности. Не въ теоретическомъ знаніи правилъ добродѣтели, какъ таковыхъ, и не въ теоретическомъ познаніи, вообще, по новозавѣтному ученію, заключается существо добродѣтельной дѣятельности человѣка—христіанина; но въ коренномъ измѣненіи всего духовнаго существа человѣка, согласно завѣтамъ Христа, влекущемъ за собою не только соотвѣтствующее измѣненіе міра его понятій и сужденій, а также радикальное измѣненіе всей его жизни и поведенія. Но-вое вимо ученія Христова можетъ быть, какъ мы сказали и выше, влито только въ новые же мѣхи, т. е. можетъ быть съ пользой воспринято лишь благодатно-возрожденной душой человѣка, центръ жизни которой, по новозавѣтному ученію, какъ мы видѣли, коренится въ человѣческомъ сердцѣ и въ волѣ, но не въ его теоретическомъ разумѣ. Стать добродѣтельнымъ, это, по ученію Нового Завѣта, значитъ стать новымъ созданіемъ, новымъ человѣкомъ, а не только обогатить свой умъ высокими нравственными понятіями и идеями.

Характерныя черты сердечно-волевого типа, въ его отличіи отъ типа разсудочно-интеллектуального, вполнѣ определенно, по новозавѣтному ученію, сказываются также въ понятіяхъ христіанина о такъ называемомъ нравственномъ законѣ, и въ соотвѣтствующемъ отношеніи къ нему, какъ къ той основной нормѣ, согласно которой должна направляться и регулироваться нравственная жизнь и поведеніе христіанина, чтобы быть, именно, добродѣтельной жизнью и добродѣтельнымъ поведеніемъ. Эти характерныя черты сердечно-волевого типа, прежде всего, сказываются въ ново-

завѣтномъ учени о самой *природѣ* того нравственного закона, которымъ регулируется нравственная жизнь христіанина. Въ то время, какъ разсудочно-интеллектуальный типъ, согласно своему одностороннему рационализму и интеллектуализму, существо нравственного закона и его внутреннее достоинство, силу и значимость полагаетъ въ логическихъ понятіяхъ и выводахъ нашего теоретического разума и ставить ихъ въ зависимость, главнымъ образомъ, отъ степени нормальности и совершенства его функций, — новозавѣтное учение о природѣ нравственного закона смотрить на дѣло гораздо глубже. Не отрицая за нашимъ теоретическимъ разумомъ важного значенія въ дѣлѣ выработки общихъ нравственныхъ нормъ и въ развитіи сознательного отношенія къ нимъ со стороны нашего внутренняго „я“, поскольку и нравственный законъ, какъ таковой, долженъ въ сознаніи человѣка получить характерные свойства всякаго закона, именно, свойства всеобщности, неизмѣняемости и необходимости, т. е. облечься въ форму общихъ понятій и, следовательно, стать закономъ нашего логически-обобщающаго ума (Рим. VII, 23), — несмотря на все это, новозавѣтное учение о природѣ нравственного закона *психологический центръ тяжести* въ его довольно сложной природѣ полагаетъ не въ логически-формальной дѣятельности человѣческаго разсудка, оперирующаго съ *даннымъ*, готовымъ материаломъ, почерпаемымъ нами изъ нашего внутренняго нравственного опыта, а въ тѣхъ нашихъ глубочайшихъ душевныхъ функцияхъ, которые доставляютъ человѣческому разсудку этотъ материалъ, и въ характерныхъ свойствахъ этого послѣдняго. Соответственно этому, специфическая свойства нравственного закона, которымъ руководствуется человѣкъ въ своей жизни, и его достоинства новозавѣтное учение выводитъ, главнымъ образомъ, изъ характерныхъ свойствъ, именно, того материала, тѣхъ добытыхъ внутреннимъ опытомъ элементовъ, путемъ обобщеніи которыхъ нашъ логический разсудокъ выводить общія нормы или правила нравственного поведенія человѣка. За человѣческимъ разсудкомъ, въ дѣлѣ выработки общихъ моральныхъ нормъ, новозавѣтное учение признаетъ чисто *формальное* и, при томъ, *второстепенное* значеніе: по учению Нового Завѣта, несравненно большее значеніе, въ данномъ случаѣ, имѣеть то обстоятельство, чтобы высокой моральной цѣнностію былъ, именно, тотъ *материалъ*, съ которымъ приходится оперировать человѣческому

разсудку въ дѣлѣ выработки общихъ моральныхъ нормъ, чѣмъ то, насколько совершеннаю въ данномъ случаѣ бываетъ логически-формальная дѣятельность нашего разсудка. Нашъ обобщающій теоретической разумъ можетъ придать нравственному закону характеръ большей или меньшей общности, а также ясности, точности и определенности въ формулировкѣ его предписаній; но онъ, по учению Нового Завѣта, не можетъ ни создать тѣхъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается содержаніе нравственного закона, ни придать отъ себя новую *моральную* цѣнность выработаннымъ имъ общимъ нормамъ поведенія человѣка, если таковой цѣнности не было въ тѣхъ моральныхъ элементахъ, путемъ обобщенія которыхъ теоретической разумъ приходитъ къ своимъ выводамъ. Такая, именно, точка зрења Нового Завѣта на второстепенную роль теоретического разума человѣка, въ дѣлѣ выработки въ нашемъ сознаніи нравственного закона, съ несомнѣнностю вытекаетъ изъ всѣхъ тѣхъ новозавѣтныхъ мѣстъ, гдѣ чисто моральная цѣнность поведенія человѣка становится виѣ зависимости отъ степени развитія его теоретического разума. Таково, напр., въ особенности, то евангельское мѣсто, гдѣ младенцы и имъ подобные люди, несмотря на низкую степень развитія ихъ разсудочного мышленія, поставляются однако въ качествѣ нравственного образца для взрослыхъ и разумныхъ (въ разсудочномъ смыслѣ) людей. Что же касается того, въ какой, именно, душевной способности человѣка данъ психологический корень и источникъ *матеріальной* стороны нравственного закона, его внутренняго *содержанія*; то, оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на доминирующее значение *сердца* и *воли* въ духовно-нравственной жизни человѣка,—Новый Завѣтъ, именно, въ *сердцѣ* и *волѣ* человѣка видитъ источникъ тѣхъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается содержаніе нравственного закона, а также источникъ его внутренней, *моральной* цѣнности. Во врожденной человѣку нравственной потребности, или въ такъ называемомъ *нравственномъ инстинкѣ* человѣческаго *сердца*, влекущемъ насъ, независимо отъ доводовъ нашего разсудка, къ совершенію извѣстныхъ съ нравственной точки зрења цѣнныхъ поступковъ (Иоанн. VI, 44; Рим. VIII, 14—15 и др.); въ свободной *волѣ* человѣка, идущей навстрѣчу этому нравственному инстинкту или противоборствующей его велѣніямъ; въ *нравственномъ чувствѣ* человѣка, дающемъ непосредственную, непроизволь-

ную, отъ доводовъ разсудка не зависящую, оцѣнку намѣреній и дѣйствій этой нашей свободной воли; въ частности, въ чувствѣ долга, т. е. во внутреннемъ ощущеніи безусловной моральной обязательности, или необходимости для человѣка повиноваться величествомъ нравственного инстинкта и голосу нравственного чувства, вслѣдствіе чего всякое возможное, въ свободѣ человѣческой воли коренящееся отступленіе человѣка отъ этихъ указаний ощущается имъ, какъ нечто уже ненормальное; наконецъ, въ голосѣ человѣческой совѣсти, этомъ внутреннемъ свѣтѣ нашего сознанія, освѣщающемъ все только что нами отмѣченныя душевныя движения,—вотъ въ этихъ-то конкретныхъ движенияхъ человѣческаго сердца и воли, непосредственно ощущаемыхъ человѣкомъ черезъ такъ называемый внутренний его опытъ, а не познаваемыхъ путемъ разсудочной рефлексіи, по учению Нового Завѣта, и даны тѣ основные психические элементы, изъ которыхъ слагается внутреннее содержаніе нравственного закона, и которыми, обусловливается его внутреннее достоинство. При этомъ, за нравственнымъ инстинктомъ Новый Завѣтъ признаетъ значеніе первоначального, наиболѣе глубокаго и основного источника, откуда почерпается содержаніе нравственного закона, подвергающеся затѣмъ дальнѣйшей оцѣнкѣ и переработкѣ со стороны другихъ душевныхъ функцій. Теоретической разумъ человѣка лишь дѣлаетъ общіе выводы изъ разсмотрѣнія этихъ конкретныхъ движений человѣческаго сердца и воли и тѣмъ сообщаетъ имъ, въ глазахъ человѣческаго сознанія, характеръ всеобщаго нравственного закона, но не создаетъ этихъ движений и непосредственно вліять на нихъ не можетъ: нравственный инстинктъ не станетъ сильнѣе или слабѣе, нравственное чувство не явится чище или грубѣе, воля человѣка не сдѣлается въ большей или въ меньшей степени свободною, ощущеніе моральной обязательности нравственного инстинкта не станетъ болѣе или менѣе интенсивнымъ,—въ зависимости лишь отъ характера и степени обобщеній нашего логического разсудка, поскольку все эти моральные движения человѣческой души коренятся въ человѣческомъ сердцѣ и волѣ, но не въ разсудкѣ. Разсудокъ, по учению Нового Завѣта, какъ мы сказали, лишь приводитъ въ систему и, такъ сказать, точнѣе формулируетъ и яснѣе освѣщаетъ то, что уже напередъ дано въ нравственномъ сознаніи человѣка, будучи лишенъ въ этой области творческой

продуктивности. Отсюда понятно, почему о нравственномъ законѣ въ Новомъ Завѣтѣ говорится, что онъ написанъ именно, въ человѣческомъ *сердцѣ*, и что нравственное преуспѣяніе человѣка, поскольку оно обусловливается вѣрностю предписаній нравственного закона, должно исходить изъ самой глубины духовной природы человѣка,— проявляясь, прежде всего въ обновленіи его *нравственного инстинкта* (Іоанн. VI, 44), затѣмъ, въ очищеніи и просвѣтленіи его *нравственного чувства*, въ возстановленіи *формальной свободы человѣческой воли* путемъ освобожденія ея отъ рабства грѣховнымъ страстью, въ проясненіи и укрѣпленіи *чувства долга* и человѣческой *совѣсти*, т. е. начинаясь съ возрожденія человѣческаго *сердца и воли* и завершаясь уже обновленіемъ человѣческаго *разсудка*, который лишь въ томъ случаѣ можетъ прійти къ истинному общему понятію о нравственномъ законѣ, если *его обобщающей формально-логической дѣятельности предшествуетъ нравственное возрожденіе глубинъ человѣческаго духа — его сердца и воли*, дающихъ разсудку соотвѣтствующій матеріалъ для его дѣятельности. Потому, именно, что благодатное возрожденіе душевныхъ силъ человѣка-христіанина, лежащее въ основѣ выработки въ его сознаніи нравственного закона, *предшествуетъ дѣятельности нашего теоретического разума и даже нашему сознанію вообще*,—разумъ человѣка, по учению Нового Завѣта, и не въ состояніи своимъ яснымъ пониманіемъ освѣтить и постичь существо процесса благодатного возрожденія человѣка-христіанина, а самый фактъ этого благодатного возрожденія ощущается христіаниномъ, какъ совершающійся помимо функцій его сознанія и свободной воли, какъ *предшествующій его свободной сознательной дѣятельности* и какъ *извѣнъ привходящій къ человѣку*, несмотря на то, что онъ совершается *въ природѣ самого человѣка*: сознанію возрожденаго человѣка христіанина и его теоретическому разуму предоставляетъ лишь *констатировать фактъ совершившагося уже, независимо отъ нихъ, возрожденія глубинъ человѣческаго духа (нравственного инстинкта, нравственного чувства и свободной воли человѣка)*. Вслѣдствіе этого, и въ разматриваемомъ нами отношеніи духовно-нравственная жизнь христіанина, по учению Нового Завѣта, должна сосредоточиваться, преимущественно, въ области его *сердца и воли*, а не въ области разсудка. Характерныя черты сердечно-волевого типа сказываются также во взглядѣ христі-

анина на источникъ происхождения нравственного закона въ человѣческомъ духѣ и на его внутреннее достоинство и авторитетъ. Въ то время, какъ разсудочно-интеллектуальный типъ виновника нравственного закона видитъ въ самомъ человѣкѣ, точнѣе, въ его теоретическомъ разумѣ (нравственный автономизмъ, интеллектуализмъ и вытекающей отсюда субъективизмъ), — христіанинъ глубочайшій психологический источникъ нравственного закона усматриваетъ, какъ мы видѣли, въ нравственномъ инстинкѣ человѣка, стоящемъ, со стороны своего происхождения, не только въ зависимости отъ понятій и сужденій теоретического разума, но и отъ свободной воли человѣка, во власти которой лежитъ возможность такъ или иначе реагировать на влеченія нравственного инстинкта, но которая, сама по себѣ, не въ силахъ ни породить его, ни уничтожить. Отсюда въ душѣ христіанина, съ психологическою необходимостію, развивается убѣжденіе въ существованіи *внѣшняго и объективнаго, независимаго отъ человѣческаго разума и воли конечнаго источника нравственнаго закона*. Основные элементы нравственного закона христіанинъ, правда, открываетъ въ глубинѣ своей собственной природы, но онъ не можетъ признать этотъ законъ *продуктомъ* своей индивидуальной человѣческой природы, т. к. въ этомъ послѣднемъ случаѣ нравственный законъ не ощущался бы имъ, христіаниномъ, какъ нечто, стоящее въ и выше его сознанія и воли. Съ точки зрењія христіанина, очевидно, что послѣднія основы нравственного закона заложены въ духовномъ организмѣ человѣка кѣмъ-то другимъ, вмѣстѣ съ созданиемъ самого человѣка, еще до развитія въ немъ яснаго сознанія и свободной воли. А такъ какъ первооснову всего бытія христіанинъ, въ силу императивовъ своего развитого практическаго разума, видитъ въ личномъ Богѣ, то въ Богѣ же онъ усматриваетъ и конечнаго Виновника ощущаемаго имъ въ себѣ нравственного инстинкта и развивающагося изъ него естественнаго нравственного закона¹). Признавая Божественное происхожденіе нравственного закона, христіанинъ поэтому самому вынуждается, далѣе, признать за этимъ закономъ, какъ таковымъ, значеніе *всеобщаго и абсолютнаго авторитета*.

¹⁾ Кантъ, признающій приматъ практическаго разума предъ теоретическимъ, съ нашей точки зрењія, т. о. допускаетъ непослѣдовательность, признавая въ нравственной области совершенную автономію человѣческаго духа.

тета, значение всеобщей и абсолютной объективной нормы нравственного поведения человека, въ противоположность автономизму, субъективизму и относительности, какими характеризуется нравственный законъ въ глазахъ человека разсудочно-интеллектуального типа. Правда, вложенный Богомъ въ душу человека нравственный инстинктъ, по учению Нового Завѣта, былъ извращенъ свободною волею человека, а вместе съ тѣмъ получили извращеніе и всѣ остальные элементы, изъ которыхъ складывается содержаніе нравственного закона, вслѣдствіе чего, вполнѣ полагаться на указанія естественного нравственного закона падшій человекъ никакъ не долженъ. Но, вѣдь, христіанинъ знаетъ и всѣмъ своимъ существомъ ощущаетъ фактъ реального своего обновленія благодатію Христовою, а это обновленіе, естественно, должно коснуться и тѣхъ душевныхъ силъ человека, продуктомъ которыхъ является нравственный законъ. Послѣдній, т. о., восстанавливается въ своей первоначальной чистотѣ, а следовательно, и въ своемъ первоначальномъ авторитетѣ, въ смыслѣ конечной моральной нормы поведенія человека-христіанина. Христіанинъ, будучи *новымъ созданиемъ во Христѣ*, поэтому самому *въ принципѣ, въ идеѣ* уже не нуждается во внешнихъ указанияхъ, существующихъ регулировать его нравственное поведеніе: ему достаточно прислушиваться къ голосу нравственного закона, вложенного въ природу самимъ Богомъ и Богомъ же восстановленного въ своей первоначальной чистотѣ. Въ этомъ переносномъ смыслѣ христіанинъ въ правѣ сказать о себѣ, что онъ самъ въ себѣ носитъ законъ, и что „праведнику законъ не лежитъ“. Правда и то, что Христомъ положено лишь объективное основаніе духовнаго обновленія и возрожденія человека; послѣдній же долженъ, путемъ собственныхъ свободныхъ усилій, стараться возрастить въ себѣ это съмѧ новой жизни и принести соотвѣтствующій духовный плодъ. Поэтому лишь о вполнѣ созрѣвшемъ для духовно-нравственной жизни христіанинѣ можно съ правомъ сказать не въ смыслѣ идеала, а въ смыслѣ констатированія реального факта,—что онъ въ себѣ самъ носитъ безошибочный нравственный законъ, существующій регулировать его поведеніе. На этомъ пути свободнаго нравственного преуспѣянія средняго, рядового христіанина — послѣдняго, конечно, ожидаются возможныя уклоненія отъ требованій естественного нравственного закона: возрожденный къ новой жи-

зни, но еще не окрѣпшій въ ней христіанинъ не всегда живо и ясно ощущаетъ въ себѣ величія нравственного закона, во всей сложности его содержанія, и не всегда безошибочно можетъ ориентироваться въ этихъ величіяхъ. Но, во-первыхъ, христіанинъ всегда помнить о вспомоществующей ему Божественной благодати, а во-вторыхъ, кромѣ естественного нравственного закона, для руководства христіанину Богомъ же черезъ Христа данъ еще *откровенный* нравственный законъ, который и является конечною, высочайшею нравственою нормою поведенія человѣка-христіанина,—нормою *внѣшне-объективной* и при томъ Божественною, не только по своему *происхожденію* (въ этомъ смыслѣ объективнымъ и Божественнымъ является и естественный нравственный законъ), но и по своему *всегдашнему отношению къ познающему его человѣческому духу*. Въ силу этого, откровенный нравственный законъ уже не подлежитъ сознательному или безсознательному искаженію со стороны человѣческой воли и навсегда неизменно сохраняетъ въ глазахъ христіанина свой Божественный авторитетъ—*всеобщей, неизмѣнной и необходимой* нормы нравственного поведенія человѣка. Т. о., и въ данномъ случаѣ христіанинъ обнаруживаетъ въ себѣ наличность несомнѣнныхъ чертъ сердечно-волевого типа¹⁾.

Эти же черты сердечно-волевого типа сказываются въ христіанинѣ, наконецъ, въ характерѣ тѣхъ мотивовъ, какими онъ руководствуется въ жизни и дѣятельности. Распространяться по данному поводу намъ не приходится: конечная цѣль нашихъ стремленій, т. е., то высочайшее благо, къ которому мы стремимся, вмѣстѣ съ тѣмъ, является, какъ мы видѣли, и основнымъ мотивомъ нашей дѣятельности и нашего поведенія. Любовь къ Богу и къ ближнему, являясь конечною цѣлью стремленій христіанина и его высочайшимъ благомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и по этому самому, является также основнымъ мотивомъ его нравственной дѣятельности.

И. Чаленко.

¹⁾ Подробнѣе о природѣ нравственного закона и объ его происхожденіи ср. у † прот. И. Л. Янышева: „Православно-христіанскоѣ ученіе о нравственности“, 2 изд. С.-Петербургъ 1906 г., стр. 27—72; 115—147; 386—396 и др.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки